
МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАТОЙКОНИМОВ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Н.Ю. Журавлева

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье показаны основные механизмы образования катойконимов в испанском языке, анализируется их характер и взаимосвязи, а также соответствия в испанском и русском языках и проблемы, возникающие при переводе.

Ключевые слова: катойконимы, оттопонимические прилагательные, онимическая орография, апеллятивные именованья, интерференция мотиваторов, гипокористические имена, антропонимы, этнонимы, эндоэтнонимы, экзоэтнонимы, этнохоронимы, агитопонимы.

В повседневной языковой деятельности нам постоянно приходится выполнять задачу передачи информации о соотношениях явлений и объектов разных классов, например, охарактеризовать людей или предметы согласно их происхождению или принадлежности к той или иной группе. В любом естественном языке для этого есть соответствующие морфологические ресурсы, образующие соответствующие конструкции.

Так, например, «Господин из Сан-Франциско» в рассказе Ивана Бунина обозначает происхождение путешественника, главного действующего лица произведения («господин» в значении “человек определенного социального положения”). В английском языке этой конструкции соответствует “*The Gentleman from San Francisco*”, в испанском языке — “*El señor de San Francisco*”, на баскском (эускера) “*San Franciscoko gizona*”.

В приведенном случае конструкция носит скорее онимический характер и приводится в качестве единственного именованья персонажа («имени его не запомнил никто ни в Неаполе, ни на Капри»).

Однако когда подобные конструкции переходят в класс апеллятивных именованний и получают определенную частоту использования, то, следуя языковой логике экономии ресурсов, появляется необходимость в образовании специальных новых лексем.

Основным рабочим инструментом для выполнения этой задачи являются катойконимы. Можно условно именовать их «оттопонимическими прилагательными». «Прилагательные, образованные от географических имен, сопутствуют всей истории нашего языка, прослеживаясь с его древнейших памятников: летописей и документов. Особенно активизировались они сейчас — в связи с хозяйственным освоением новых территорий, с расширением межнациональных контактов, с увеличением потока информации, с появлением в языке новых словообразовательных возможностей» [1. С. 3].

Оттопонимические прилагательные, в свою очередь, при помощи особых формантов могут субстантивироваться. Вариантом может быть образование новой лексемы от основного мотиватора-топонима. Так, например:

«*Китай*» — место происхождения или, в случае метонимии, определенное качество,

«*китайские*» (товары) — оттопонимическое прилагательное,

«*китайцы*» (жители Китая) — субстантивированное определение,

Potosí (город и месторождение серебра в Боливии), в случае метонимии — необыкновенное богатство: “*Esto vale un Potosí*”,

los potosinos — жители города — оттопонимическое субстантивированное прилагательное.

При идентификации происхождения людей согласно географическим признакам можно выделять мотивации первичные, по одному доминирующему признаку, и мотивации синкретические, в образовании которых участвуют два или больше факторов.

Характеристики происхождения/принадлежности людей часто даются исходя из более чем одного признака, что приводит к определенной градации рангов и последующей интерференции мотиваторов и появления определений синкретического характера. Мотиваторы могут иметь прямой или переносный характер, строясь на ассоциативной трансформации начального образа. Рассмотрим основные из них, выделив для удобства исследования несколько групп.

Так, к прямым мотиваторам можно отнести именованя онимических орографических особенностей рельефа, собственно топонимики местности. Это могут быть как макрофакторы, типа географических идентификаторов континентов — например, *Европа* (*европейские государства*), горных кряжей — *Andes* (*Pacto Andino*), *Кавказ* (*кавказские народы*) островов и полуостровов — *Jamaica* (*cocina jamaicana*), *Камчатка* (*камчатские вулканы*), гидронимы — *Атлантика* (*атлантическая сельдь*), *Amazonas* (*Amazonia*), внутриконтинентальные или даже межконтинентальные области, выделяющиеся орографическими и климатическими особенностями — например, *Евразия* — (*евразийская флора и фауна*), *Caribe* (*pueblos caribeños*), *Средиземное море* (*средиземноморские нагорья*), так и относительно мелкие местные урочища, выделяющиеся на местности — *Селигер* (озеро в России) — *селигерский монастырь*, *Río de la Plata* (дельта рек Парана и Уругвай) — *playas rioplatenses*. Все это, безотносительно к их величине, географические объекты, существующие на поверхности Земли независимо от воли людей и возникшие без их участия. Топонимы этого типа являются наиболее стабильными в языковой картине мира проживающего на данной территории населения, они передаются из поколения в поколение и практически никогда не переименовываются на людской памяти, за исключением случаев резкой смены этнического состава населения в результате завоеваний [2].

Одним из неотчуждаемых принципов происхождения людей являются генетико-антропологические основы, или иначе расовая принадлежность. Хотя в настоящее время считается неверным делить людей на **расы**, с точки зрения языко-

ведения реалии, будучи политически и строго биологически некорректными, продолжают существовать. Можно отметить как в испанском, так и в русском языках совпадение первичных апеллятивных наименований для «белой» и «черной» расы — “*blancos*” и “*negros*”, и выделение производного (по онимическому именованию континента) «азиатской» или «монгольской» — “*asiáticos*” расы. В современной научной литературе эти термины уже не используются, будучи в основном заменены на соответствующие «европеоидную» и «негроидную» популяции, тем не менее, их можно часто встретить в трудах ученых и художественных произведениях XIX и первой половины XX вв., что необходимо иметь в виду при переводах.

Под влиянием тенденции «политкорректности», но ввиду необходимости решения прагматических задач для обозначения четко опознаваемых групп населения, объединенных общими генетическими макрокорнями и определенным набором общих культурных признаков вне основных регионов проживания, появляются такие определяющие прилагательные, как «афроамериканцы» (*African American* на английском) — для идентификации совокупности негритянского населения США.

Другим важным неотторжимым признаком идентификации людей является их этническая принадлежность, включая языковые отличия. Наименования групп людей, объединенных общим языком, историей и культурой, в отечественной лингвистической традиции носят обобщенное название **этнонимов** — от греч. *ἔθνος* — племя, народ и *ὄνομα* — имя, название [3].

Необходимо отметить, что этнонимов «в чистом виде» нет. Они могут существовать в виде либо эндо-, либо экзоэтнонимов.

Эндоэтнонимы/эндонимы или самоназвание, чаще всего на данном языке имеет значение просто «люди», либо «говорящие на таком-то языке». Например, для албанцев самоназвание «шкиптар» — «люди», для басков, другого доиндоевропейского населения Европы, самоназванием является «*euskaldun*» — говорящие на «*euskera*». Они обычно присущи народам с глубокими историческими корнями и весьма устойчивы, передаваясь из поколения в поколение на протяжении сотен и тысяч лет. Эндонимы сами по себе являются существительными или субстантивированными определяющими прилагательными, и производные от них лексемы встречаются относительно редко. Однако они, в транскрибированном виде, могут сосуществовать в языках народов-соседей наряду с экзоэтнонимами. Так, в русском языке известны оба этнонима — цыгане и рома, в испанском *gitanos* и *romani*. Особенно часто такое явление имеет место, когда этническая группа в основном переходит в повседневном общении на язык народа, на территории которого она в основном обитает.

К **экзоэтнонимам** относятся наименования групп людей со стороны их соседей. Если соседи принадлежат к разным языковым группам, то таковых названий в пределах даже более-менее близлежащих территорий может быть несколько, причем новая лексема может быть произведена как от одного с эндоэтнонимом корня — *francos* — *Francia* — *franceses*, так и от совершенно иных корней, например, *deutsch* — самоопределение, *alemanes* на испанском и *немцы* на русском.

Иногда экзоэтнонимы могут переходить в апеллятивно-обобщенную лексику в связи с историческими воспоминаниями или реальными или мнимыми особенностями поведения групп населения.

В книжном языке одним из наиболее характерных примеров такого рода может быть лексема «*вандалы*» — “*vandalos*”, которое из наименования одного из восточно-германских племен — соседей и противников Римской империи — превратилось в термин для обозначения людей, отвергающих блага упорядоченной цивилизации, не ценящих достижения культуры, разрушающих произведения искусства. В просторечии можно остановиться на «*цыган*» — “*gitano*”, согласно DRAE, помимо обозначения национальности

3. adj. Que tiene gracia y arte para ganarse las voluntades de otros.

adj. coloq. Que estafa u obra con engaño. U. t. c. s.

обладающий симпатией, умеющий завоевать доверие окружающих; легко обманывающий других людей [4].

И от эндо-, и от экзоэтнонимов могут происходить наименования *областей*, где проживают эти народы или группы людей — **этнохоронимы**, напр. *Шотландия* — страна *скоттов*, буквально *Scotland*, *земля скоттов*; *Этрурия* — область, где жили *этруссские племена* и т.п.

Некоторые этнохоронимы, образуя синкретические связи второго порядка, были впоследствии приняты в качестве наименования государств. Так, от самоназвания союза германских племен — «*франки*» — произошло наименование целой области, где они расположились на правах *foederati* — *федератов* — Римской империи — **Франции**. Уже по прошествии веков это потребовало образования нового катойконима — определяющего прилагательного для всех жителей этой территории — *французский* (язык), *французы* (подданные государства Франция).

Однако такая последовательность возникновения мотиваторов вовсе не обязательно имеет полное развитие. Это зависит от многих причин, в том числе и исторических. Так, племена *iberos* — иберов, которые были покорены теми же римлянами и вошли в состав населения Римской империи еще на правах провинции, хотя и дали имя *Ibérica* (номинатив) *la península* для названия Иберийского полуострова; *ibérico* (апеллятив) (напр. *jamón ibérico*), а в русском языке в исторических исследованиях используется термин «*иберийские племена*», никакого нового катойконима для общего определения современных жителей этого полуострова, граждан Испании и Португалии, так и не появилось.

До начала эпохи Великих географических открытий сведения о ранее неизвестных странах и народах было относительно редким явлением, и их наименования — как устные, так и письменные — успевали обрести в языке стабильность. С XVII в. ситуация кардинально изменилась, на европейцев обрушился поток данных о совершенно прежде неизвестных землях и людях, их населяющих.

Чаще всего, когда европейские путешественники вступали в первый контакт с каким-то населением, не имеющим ни государственности, ни письменности, этим землям и народам просто давалось новое название на языке «первооткрывателя».

Мотиватором могла выступать апеллятивная лексема, описывающая какую-либо характерную особенность местных жителей. Так получили свое название патагоны, “*patagones*” — наименование, данное группе народов *tehuelche* или *аоникенк* (эндоэтноним) картографом Магеллана во время его кругосветного путешествия в 1520 г. Низкорослым испанцам показалось, что жители южноамериканских земель обладают необыкновенно большими ступнями (“*pata*” — нога, ступня).

Таким образом, официально ныне этнониму дало начало практически *этнолическое прозвище*. Экзоэтноним, происходящий от прозвища, в свою очередь мотивировал название обширного региона, где этот народ, или союз народов, обитали — *Patagonia*, *Патагония* — региона, включающего в настоящее время территории, принадлежащие Аргентине и Чили.

Иногда, пытаясь, объективности ради, воспроизвести местную топонимию, путешественники спрашивали местных жителей о тех или иных названиях. Но так как контакты были весьма краткими, возможности взаимопонимания оставались крайне ограниченными, и за ответ о самоназвании принимали любые фразы вплоть до «не понимаю», что и фиксировалось в экспедиционных дневниках и впоследствии также могло стать уже общепринятым названием.

Одним из анекдотических случаев такого рода можно считать историю топонима «Канада» — “*canata*”. На родственных языках гуронов и ирокезов это означает «деревня», поселение вообще. Французский путешественник исследователь Ж. Картье первоначально употребил услышанное от местных жителей слово для обозначения конкретной местности проведения экспедиции, а позже распространил его и на остальную территорию. Однако к моменту образования определяющего прилагательного первоначальное значение было давно утеряно.

Отчеты об экспедициях в условиях жесткой конкуренции в поиске новых земель и ресурсов чаще всего засекречивались, и уже добытые сведения далеко не сразу становились достоянием географов. Поэтому исследователь из другой страны, прибывший на то же место, давал местным жителям или территории уже иное имя.

Если прежде разные наименования одного и того же народа среди соседей были обусловлены в основном языковым многообразием, то теперь подобная ситуация возникала в тех случаях, когда регион исследовали экспедиции одновременно из нескольких стран. Фольклендские, или Мальдивские, острова, независимо друг от друга обнаруженные английскими и испанскими экспедициями, до сих пор имеют то или иное написание в зависимости от места издания географической карты, а сами жители — возможность выбрать, какое определение им ближе.

В некоторых случаях, когда у местного населения уже имелась собственная высокоорганизованная социальная и политическая структура, включая письменность, производилась попытка транскрибировать самоназвание народов или топонимов. В силу того что как местная графика, так и фонетика могли весьма сильно отличаться от языка исследователей, это тоже вело к возникновению вариативности. В некоторых странах, например Мексике, проблема нормализации написания

топонимов, унаследованных от коренного населения, не решена до сих пор, что вызывает и соответствующую многовариантность описательных прилагательных.

Еще одним весьма важным и часто используемым мотиватором для номинации групп людей в испанском языке выступают **антропонимы** — собственные имена людей, чаще всего происходящие от апеллятивной лексики. Образование антропонимов — отдельная и обширнейшая тема для исследований, и останавливаться на ней здесь подробно нет никакой возможности. Отметим лишь некоторые моменты, имеющие для нас особенное значение.

В испанском языке, как и в русском, личные имена людей могут служить основой для производных лексем, обозначающих группы людей в нескольких случаях.

1. Прямое родство по нисходящей линии, — через патронимы, которые в испанском закреплялись в качестве единственного варианта фамилии (*Lope* — имя собственное, происходящее от апеллятива *lope/lupe* (баскский) — толстая кровяная колбаса, изготавливается из слепого отростка кишок, в переносном смысле — толстяк, и образованный от него патроним/фамилия — *López*).

2. Для лексем, обозначающих группы людей, связанных прямым и косвенным родством через браки и пр. — кланов, а также для лексем, обозначающих наименование группы последователей по антропониму их лидера, физического или духовного.

3. Для обозначения конфессий, религиозных движений по имени их лидера либо основателя.

Образование фамилий, хотя они и относятся непосредственно к классу *gentilico*, к сожалению, выходит по своей сложности и объему за рамки настоящей статьи. В Западной Европе XIX Вселенский (Триденский) Собор начиная с XVI в. требует от всех приходских священников вести учетные приходские книги с записью имен всех прихожан, что послужило началом фиксации существовавших прозвищ и патронимов в качестве фамилий не только для знатных семей, но и для всех христиан. Этот процесс шел в течение длительного времени, в том числе и на протяжении уже Нового и Новейшего времени, в колониальную и постколониальную эпоху, по мере включения в централизованные учетные списки населения все новых групп. В Испании этот он был завершён административной реформой 1830 г., с введением *Registro Civil* — актов записи гражданского состояния, в странах Латинской Америки несколько позже, но также в основном на протяжении XIX в.

Результат этого процесса, уже закрепившиеся фамилии, представляет для нас непосредственный интерес.

Употребление фамилий или производных от них лексем в качестве географических названий (синкретическая связь) приводит к возникновению **антропонимов**, которые во множестве представлены в топонимике Латинской Америки.

«В частности, глобальную топонимическую закономерность представляет переход имен личных в географические названия (топонимы)» [5. С. 150]. Это наименование страны — *Bolivia* — *Боливия*, производное от фамилии лидера

движения за независимость Симона *Бolíвар*, названия штатов — *Hidalgo* — *Идальго* и *Guerrero* — *Герреро* (Мексика), также получивших свои наименования по фамилиям героев борьбы за независимость, множество посессионных наименований населенных пунктов, названных по именам конкистадоров-основателей — *Valdivia* — *Вальдивия* в Чили, *Villa de Leyva* — *Вилья де Лейва* в Колумбии и др.

Фамилии или имена основателей могут присутствовать и в качестве одного из составных компонентов полного наименования объекта, например, город в Мексике *Santiago Tulantepec de Lugo Guerrero* получил свое наименование в честь губернатора Луго Герреро, выступившего инициатором нового административного образования.

Слияние в мотивирующей основе антропонимического и конфессионального факторов приводит к возникновению **агиотопонимов** — наименования объектов либо только по именам святых — *San-Sebastián* — *Сан-Себастьян* (Испания), либо с привязкой к местным объектам, например, *San Luis Potosí* — *Сан Луис Потоси* (Мексика). Агиотопонимы (agiotopónimos) включают, помимо посвящений святым — *Santiago* — *Сантьяго* (Чили), также и другие термины религиозной лексики — остров *Pascu* в Тихом океане, мыс *Gracias a Dios* (Благодарения) в Никарагуа, город *Veracruz* — *Верacruz* в Мексике и др.

Однако в связи с обычаем использовать названия религиозных праздников в качестве личных имен области агиотопонимов антропонимического и чисто конфессионального происхождения частично перекрываются.

Так, например, женское испанское имя *Concepción* происходит от названия одного из догматов веры и одновременно праздника *Inmaculada Concepción* — Непорочного Зачатия; этому же празднику был посвящен город в Парагвае. Существует женское имя *Fe* и существуют множественные географические названия, посвященные символу веры — *Santa Fe*, и др.

В испанском языке, в отличие от русского, при образовании оттопонимических прилагательных семантическая нечленимость сложных многочленных мотивирующих основ работает не всегда. Для определения людей или предметов, относящихся к подобным географическим объектам, соответствующие прилагательные могут брать свое начало как от слитного написания названия целиком — например, *Santa Fe* — *santafesinos*, *Villa de Leyva* — *villaleyvanos*, от антропонимической части составного наименования — *Santiago de Chile* — *santiaguino* либо от местного идентификатора множественно повторяющегося на картах наименования святого — *San Luis Potosí* — *potosinos*.

Другими типами *gentilicios*, имеющих антропонимическую основу, но лишь отчасти привязанных к географическому положению либо имеющих универсальное распространение, будут антропонимические наименования монотеистических религий и течений — буддизм, христианство, магометанство, свидетели Иеговы. Надо отметить, что на протяжении человеческой истории были продолжительные периоды, когда понятие, допустим, «христианский мир», в отличие от нехристианского, носило четкую географическую привязку.

Через наименования монотеистических религий антропонимы служат мотиваторами и для образования наименований политических партий и движений

религиозного характера — *демохристиане*, консервативно-христианская партия и др.

Кланы, семейства или «картели», именующиеся по имени лидера, главы или основателя, имели весьма примечательную историю в колониальный период развития Латинской Америки, как в виде могущественных семейств латифундистов, так и в виде групп, связанных с горнорудной промышленностью, первоначально золото- и серебродобывающей, а позже вывозящих олово, медь и т.д.

В повседневной разговорной практике их принято обозначать с определенным артиклем мн.ч. м.р. “los”, придавая имени собственному практически апеллятивный характер.

Этот прием использовался и в художественной литературе, напр. “*los Buendía*” Гарсия Маркеса.

В настоящее время, хотя социальная ткань латиноамериканских народов уже значительно изменилась, тем не менее семейства-«тяжеловесы» продолжают существовать и их имена употребляются в качестве референтов политического и экономического влияния. Например, семьи-кланы *Urmeneta* и *Ochagavia* в Чили, первоначально обогатившиеся с развитием горнорудной промышленности, но впоследствии расширившие область своих интересов на виноделие, современные технологии и т.п., принимают активное участие в политическом лобби, и их фамилии употребляются в том числе в номинативном положении: “*los Ochagavia*”.

Другой, уже современный пример возникновения и функционирования кланов — это семейства, занявшиеся наркобизнесом — “*los Carrillo*” в Мексике, “*los Escobar*” в Колумбии и др.

Важную роль в самой возможности образования определяющего прилагательного или катойконима является фонетическое благозвучие.

Проследить действительную частоту употребления многосложных, трудных для произношения, хотя и официально признанных определяющих прилагательных можно только через серьезные полевые исследования, но частично можно опираться и на употребление в соотношении с числом населения, которое употребление подобных лексем затрагивает, в такой сфере функционирования и применения языка, как Интернет. Например, хотя *Diccionario Panamericano de dudas* рекомендует именовать жителей столицы Гондураса — *Tegusigalpa* — *tegusigalpinos*, поиск по этому слову как ключевому выдает нам всего 8 результатов. В самой столице Гондураса ее жителей называют “*capitalinos*”, дословно «столичные (жители)».

В словообразовательном плане примечательна деривация для обозначения жителей столицы Никарагуа — *Managua* — наименования также многосложного и потому производящего столь же сложное определение — *managuense*. Поиск по этому слову позволяет нам обнаружить более 10 000 результатов. Поиск по колоквиальному наименованию жителей никарагуанской столицы “*los managuas*” производит результат уже в 120 000 публикаций.

Подобные случаи представляется совершенно необходимым учитывать как в переводах, общении, так и при обучении рабочему языку студентов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Леваиов Е.А.* Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий. — М.: Русский язык, 2003.
- [2] *Сударь Г.С.* Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2004.
- [3] *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М., 2002.
- [4] *Diccionario de la lengua española. Vigésima segunda edición 2 VOLS 2001 Espasa Calpe.*
- [5] *Чеснокова О.С.* Испанский язык Мексики: языковая картина мира. — М.: РУДН, 2006.

DEMONYM (GENTILIC) FORMATION MECHANISMS IN THE SPANISH AND THE RUSSIAN LANGUAGES

N.Y. Zhuravleva

The Department of Foreign languages
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Mikhlukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the basic mechanisms of demonym formation in the Spanish language, their character and correlations analysis; their equivalents in Russian and problems that arise in the process of translation.

Key words: demonyms, toponymical adjectives, toponymical orography, appellatives, motivators interference, hypocorisms, anthroponyms, ethnonyms, exonyms, gentilics.